

УДК 1:316.334.22-053.81

Бредихин Сергей Сергеевич,

аспирант кафедры философских наук, sergei189@mail.ru

Челябинская государственная академия культуры и искусств, г. Челябинск

## **ТРУД И МОЛОДЕЖЬ: ПРОТИВОРЕЧИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ - ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД**

Аннотация: В статье рассматриваются проблемные точки существования современной молодежи в труде в условиях постмодернистского социокультурного сдвига. Обосновывается возможность формирования в молодежной среде трудового человека нового типа способного к преодолению наличествующих противоречий в системе молодежного труда.

Ключевые слова: труд, молодежь, постмодерн, философская антропология.

Bredikhin Sergei Sergeevich

## **LABOR AND YOUTH: CONTRADICTIONS, PROBLEMS AND SOLUTIONS - PHILOSOPHICAL VIEW**

Abstract: The author considers the problem points of the existence modern youth in work in the conditions of postmodern socio-cultural shift. Substantiates the possibility of formation among the youth a new type working man, capable of overcoming the contradictions in the system youth labor.

Keywords: labor, youth, postmodern, philosophical anthropology.

Молодежь в силу своих специфических социально-экономических характеристик всегда была одной из главных групп, осуществляющих общественный труд, при этом психофизическая активность и перспективизм делают молодежь не просто основным общественным деятелем, но определяет ее роль в качестве главного новатора. Однако сегодня мы все больше наблюдаем отказ молодежи от реализации исторически присущих ей трудовых функций. Причины этого лежат не только и не столько в изменениях конкретных социально-экономических порядков сколько в фундаментальных астрологических и культурных сдвигах, которые происходят на протяжении ряда последних десятилетий.

Современная социокультурная ситуация характеризуется достижением предела разрыва человека и социокультурной реальности. Жан Бодрийяр определяет современное состояние общества, как состояние после оргии. «После завершения всеобъемлющей оргии материального, рационального, сексуального, критического и антикритического, оргии всего, что связано с ростом и болезнью роста» [1; 7]. Общество «прошло всеми путями производства и скрытого сверхпроизводства предметов, символов, посланий, идеологий, наслаждений. Сегодня игра окончена – все освобождено» [1; 7].

В обществе сформирована ситуация трансэкономики, каждый феномен социальной жизни пропитан неконтролируемыми вирусными проникновениями в его изначальную природную сущность, но такая дезинтеграция этих сфер по существу превращает их в вирулентные симулякры общественной жизни. Данное состояние может быть охарактеризовано следующим образом: антропологическая катастрофа («смерть человека», тотальная дегуманизация); наступление симуляторных порядков; разложение рациональности; общая фрагментарность бытия; дезинтеграция; транскрессирование и

децентрализация; предельное отчуждение; обесмысливание и омертвление человеческой жизни; переход от дисциплинарного общества к обществу контроля, в котором преобладают механизмы квалификации, оценки, био- и микровласти.

Анализ теоретических и эмпирических работ, освещающих проблему бытия человека в состоянии постмодерн, позволяет вычленить ряд характеристик ему присущих: переход человека с позиций производителя, на позиции потребителя и воспроизводителя; десубстанциализация; поверхностность и имитационность; ацентрация и плюрализация; текучесть; фрагментаризация; итеральность; анонимизация и массовизация; новая чувственность; симулятивность; играизация<sup>7</sup>; античеловечность<sup>8</sup>.

Труд становится дрессурой [10; 49], направленной на воспроизводство системы подавления и эксплуатации человека со стороны отчужденных структур<sup>9</sup>.

Сегодня главное место занимает уже не производительный труд, а труд – услуга, представляющая собой всегда производство информации и информационный обмен, то есть по существу виртуальную, символьную, симулятивную экономику, экономику обращения знаков. Кроме того, само производство утрачивает свою первоочередную приоритетность, уступая ее потреблению.

Происходит омертвление труда, которое выражается в трех формах: 1) инфляция труда<sup>10</sup>; 2) симуляция труда<sup>11</sup>; 3) обесмысливание труда<sup>12</sup>. Это омертвление позволяет символизировать труд, сделать его знаком внести в него и внести его в симулятивно-информационные порядки; труд более не есть труд реальный, но труд знаковый.

Труд все более размывается, с одной стороны сливаясь с теми видами практик, которые ранее считались отличными от него<sup>13</sup>, а с другой стороны распространяются нестандартные формы труда [8; 11-24]: неполное рабочее время; разделение рабочего места (job sharing); временная работа; работа «без рабочего места»; работа по совместительству; самозанятость; неформальная занятость.

<sup>7</sup> Об играизации см. напр. [6].

<sup>8</sup> Человек более не осуществляет продуктивное очеловечивание реальности, но напротив формирует античеловечность и контрчеловечность.

<sup>9</sup> Фуко называет три основных функции труда: производство, символизация и дрессура (обучение индивидов покорности, послушанию, дисциплине и самоконтролю).

<sup>10</sup> Сегодня труд есть чистая затрата рабочей силы. Труд ради труда – вот лозунг этой инфляционной тавтологической модели, в которой труд становится бессмысленной самоцелью.

<sup>11</sup> Из-за господства омертвленного труда над живым рушится вся диалектика производства... В производстве и экономике все начинает поддаваться взаимной подстановке, обращению, обмену в ходе той же бесконечной игры отражений... Бесконечно отражаются друг в друге производительные силы и производственные отношения, капитал и труд, потребительная и меновая стоимость: это и значит, что производство растворяется в коде. (Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. / Ж. Бодрийяр М.: Добросвет, 2000. – С. 66). Такой труд есть «фундаментальная репрессия и контроль» (Там же. С. 63), проникающая всюду, охватывающее все до одного элементы человеческой жизни.

<sup>12</sup> Главным обесмысливающим фактором всегда была смерть, лишаящая труд человека реальной онтологической ценности. Сегодня, когда смерть стала самой жизнью, бессмысленность становится тотальной.

<sup>13</sup> О слиянии политики и труда писала еще Х. Арент; см. [1].

Труд производящий материальные блага оборачивается их истреблением<sup>14</sup>. Наряду с производством постмодерну необходимо антипроизводство, которое формирует нехватку, нужду, то есть реализует «высшую цель капитализма – ввести нехватку туда, где всегда есть избыток» [2; 378].

Время труда становится фрагментированным<sup>15</sup> представляет собой систему неопределенных длительностей. Труд в эпоху постмодерн построен на принципе неопределенности и краткосрочности. Постоянный стабильный труд становится уделом ограниченной прослойки. Неопределенность труда служит индивидуализирующей силой уничтожающей всякое понятие о производстве и труде как «общем деле».

Труд включается в игру слабых связей, его растекающаяся, подвижная, разделенная, разобшенная и дерегулированная версия уничтожает зависимость от него Капитала<sup>16</sup>. Если ранее он был постоянным и планомерным, то теперь он превратился в спонтанную низкооплачиваемую труд-услугу, бывшие рабочие-специалисты стали прислужой. В рамках эмпирических исследований западные социологи оперируют термином флексибельность (гибкость) для определения подобного состояния труда, при этом в этих исследованиях подчеркивается, что такая гибкость ведет не только к прямым воздействиям на психическое здоровье трудящегося, приводя его в состояние депрессии и упадка, вызванного чувством незащищенности и отсутствием стабильности, но и приводит к коррозии социальности, атомизации, необоснованной и негативной интенсификации труда<sup>17</sup>. При этом данные тенденции не являются отрывочными или единичными, но укладываются в новую модель бытия человека в труде, которую принято обозначать как постфордистская модель. Эмпирические исследования, проводимые в западных странах, в которых становления новой модели труда происходит наиболее интенсивно, позволяют выделить следующие черты этой модели [7; 244-255]: флексибилизация; разграничение (детерриторизация); деформализация; самоорганизация и управление контекстом (сотрудники должны стремиться к повышению своих усилий и изыскивать для этого ресурсы); идеологизация (в направлении идеологии корпоративного государства фашизма); индивидуализация; фрагментация интересов.

Происходит трудовизация всего бытия человека: каждая секунда его жизни отныне должна быть трудом, более нет места ни досугу, ни игре, ни тем более созерцанию.

Дойдя до предела, отчуждение уничтожает и человека и его труд. Распадающаяся социальность и трудовое поведение продолжают удерживаться от окончательно крушения лишь на скелете голой

<sup>14</sup> «Человека одушевляет общее движение истечения (расточения) живой материи, и он не в силах остановить его; даже — на самой вершине — его суверенность в мире живого отождествляет его с этим движением; она исключительным образом обрекает его на славное дело, на бесполезное потребление» [2; 19].

<sup>15</sup> О тирании фрагментарного момента и медленном времени см. [9].

<sup>16</sup> А это та самая зависимость, о которой говорил Гегель в своей диалектике раба и господина.

<sup>17</sup> См. напр.: [5], [11], [12].

функциональности, в рамках которой индивиды выступают в роли программируемых (через зрелища и развлечения) функциональных механизмов. Чем больше трудящийся человек стремится к тому, чтобы его индивидуальный труд удовлетворял его желания, тем больше он ведет всю систему труда к краху, так как ее принципом является принципиальное несоответствие желаний отдельных трудящихся общему результату их труда.

Таким образом, мы видим, что трудовой тупик молодежи сегодня обусловлен фундаментальными антологическими и культурными сдвигами которые изменяют не только природу труда, но и самого человека. При этом именно молодежь на наш взгляд может стать той социальной группой которая сможет отыскать выход из текущей ситуации «смерти труда» и «смерти человека» и через работу на собой, через отыскание в себе потенции к новации нового типа – новации гуманитарной молодежь способна создать нового человека и новый труд.

Новый человек есть ценностно-волевой человек. Ценностно-волевой человек это новый тип человека, который, во-первых, основывается в каждом своем действии на собственной воле, во-вторых, базируются на продуктивном ценностном фундамент<sup>18</sup>. Бытие ценностно-волевого человека базируется на сверхнорме. Сверхнорма выступает основанием, на котором человек перестает быть просто стандартизированной нормализованной копией другого, но становится сверхнормальным, стремящимся к положительному отрицанию нормальности и стандарта, утверждению здорового, способного к росту начала, к преодолению самого себя и внешних ограничений, но при этом преодолению не волюнтаристскому и чисто бунтарскому, но ценностно-продуктивному.

Ценностно-волевой человек преодолевает ограниченность своего бытия и оказывается, прежде всего, человеком, а не просто придатком своей профессии и своего труда; отныне статус человек должны определять не материальный заработок и не престиж профессии, но лишь его характеристики как ценностно-волевого субъекта. Ценностно-волевой человек это человек критичный как к самому себе, так и к любому другому и потому ценностно-волевой человек видит в другом не конкурента и не ограничителя для своей свободы, но напротив того в ком его дело и свобода продолжаются и расширяются.

#### Библиографический список

1. Арентс, Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / Х. Арентс; пер. с нем. и англ. В. В. Бибикина. — СПб.: Алетейя, 2000.
2. Батай, Ж. *Проклятая доля* / Ж. Батай; пер. с фр. — М.: Гнозис, 2003.
3. Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть*. / Ж. Бодрийяр М.: Добросвет, 2000.
4. Бодрийяр, Ж. *Прозрачность зла*. / Ж. Бодрийяр. — М.: Добросвет, 2006.
5. Клемент, К.М. *Флексибельность по-русски - сгибаемые и несгибаемые работники* / К.М. Клемент // Отечественные записки, 2007. - №4. - С. 1-13.

<sup>18</sup> Данный фундамент, безусловно, включает в себя как традиционные общечеловеческие ценности, так и ценности новые (креативность, мобильность и пр.). При этом ценности не в коем случае не должны приравниваться к некой мертвой традиционности, но напротив должны быть живыми и действующими.

6. Кравченко, С.А. Играизация общества: блага и проблемы / С.А. Кравченко // Сборник научно-популярных статей – победителей конкурса РФФИ 2007 года. Выпуск 11 - М.: Октопус – Природа, 2008. - С. 270 – 276
7. Найнхоффер, Г. Современные "постфордистские" новации в западноевропейском менеджменте / Г. Найнхоффер // Становление трудовых отношений в постсоветской России (Социологический анализ пяти случаев российского менеджмента в сравнении с практикой Канады и Германии). - М.: УКГФ, 2004. - С. 244-255.
8. Шевчук А.В. О будущем труда и будущем без труда (футурологические дискуссии) / А.В. Шевчук // Экономическая социология, 2005. - Т. 6. - № 3. - С. 11-24.
9. Eriksen, T. H. Tyranny of the moment : fast and slow time in the information age / Thomas H. Eriksen. - London: Pluto Press, 2001.
10. Jackson, N. Labour as Dressage / N. Jackson, P. Carter // Foucault, management and organization theory: from panopticon to technologies of self. - London: SAGE, 1998.
11. Jenkins, A. Flexibility, individualization and employment insecurity in France / A. Jenkins // European Journal of Work and Organizational Psychology, 1998. - № 7. - P. 22-38;
12. Wichert, I. Job insecurity and work intensification: The Effects on health and well-being / I. Wichert // Job Insecurity and the Work Intensification. - London: Routledge ,2002. - P. 92-111.

УДК 331.104

Быкова Дарья,

магистрант, bykovadarya91@gmail.com

УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; г. Екатеринбург

## **МОЛОДЕЖЬ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА<sup>19</sup>**

Аннотация: В статье рассматривается «двойной» статус молодежи как субъекта родительского труда в процессе межпоколенного взаимодействия. Рассматриваются экономические механизмы и социальные последствия такого взаимодействия.

Ключевые слова: молодежь, родительский труд, межпоколенное взаимодействие, статус.

Bykova Daria

## **THE YOUTH AS A POTENTIAL SUBJECT OF THE PARENTAL LABOR: THEORETICAL ANALYSIS EXPERIENCE**

Abstract: The article focuses on the "double" status of the youth as a subject of the parental labor in intergenerational interaction. It examines the economic mechanism and social consequences of such interaction.

Keywords: youth, parental labour, intergenerational interaction, status.

Изучение родительства как самостоятельное научное направление начало развиваться с конца 70-х годов XX века. В его рамках человеческий капитал, определяющий роль человека в экономической системе общества, рассматривается в качестве результата родительского труда. К субъектам этого вида труда принято относить родителей, родственников и специалистов сферы социальной репродукции [1, 25]. Заметим, что данная совокупность субъектов не представляется нам исчерпывающей. На наш взгляд, в число субъектов родительского труда необходимо включать управляющую и управляемую

<sup>19</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Мотивация родительского труда, стратегия и тактика регулирования репродуктивных установок населения в Уральском регионе»), проект № 12-03-00073а.